

ЗАРУБЕЖНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.9

Принцип наиболее тесной связи как корректирующая оговорка для договорных правоотношений международного характера

Т. В. Новикова

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия,
Российская Федерация, 350020, Краснодар, ул. Красных Партизан, 234

Для цитирования: Новикова, Татьяна В. 2023. «Принцип наиболее тесной связи как корректирующая оговорка для договорных правоотношений международного характера». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 2: 403–422.

<https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.208>

В статье анализируется корректирующая оговорка п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), которая позволяет суду при решении коллизионного вопроса для договорных правоотношений международного характера в исключительных случаях отказаться от установленной законом жесткой коллизионной нормы в пользу права, явным образом более тесно связанного с договором. Автор предметно исследует примеры практики судов Российской Федерации, включая как судебные акты, в которых применение корректирующей оговорки достаточно обосновано, так и акты, в которых обоснование базируется на одной контрнаправленной связи или является крайне лаконичным. Кроме того, анализируются примеры отмены судебных актов, базирующихся на необоснованном использовании п. 9 ст. 1211 ГК РФ, и случаи иллюстративного применения указанного положения. Особое внимание автор уделяет содержанию (критериям) принципа наиболее тесной связи, применяемого в рамках корректирующей оговорки для договорных правоотношений международного характера. Обосновывается тезис о том, что обращение суда к корректирующей оговорке п. 9 ст. 1211 ГК РФ как исключительный случай требует «сравнительного взвешивания» разнонаправленных связей конкретного договорного правоотношения, ведущего к явному выводу о совокупности значимых связей с правом иной страны в противовес незначительной связи с правом той страны, на которую указывает коллизионная норма. Показатели (критерии) такой наиболее тесной связи, исходя из единства ее содержания при выполнении даже разных функций в механизме коллизионного регулирования, должны включать не только территориальные связи конкретного договорного правоотношения, но и весомые материально-правовые

факторы (в числе которых, например, отмеченная Пленумом Верховного Суда РФ предпочтительность сохранения действительности сделки).

Ключевые слова: наиболее тесная связь, корректирующая оговорка, коллизионный режим договора, трансграничные договорные правоотношения, международные коммерческие контракты, выбор применимого права, доктрина валидации.

1. Введение

Применение принципа наиболее тесной связи в качестве инструмента, который позволяет корректировать действие жестких коллизионных норм, составляет предмет повышенного внимания правоведов¹. Действительно, если концептуально в основу каждой коллизионной нормы заложена идея отыскания правопорядка, наиболее тесно связанного с отношением, но в каком-то деле коллизионная норма указывает объективно не на наиболее тесно связанное с отношением право, возникает закономерный вопрос: может ли правоприменитель скорректировать результат действия нормы, т. е. фактически отказаться от нее и самостоятельно выбрать то право, которое ему представляется отвечающим принципу наиболее тесной связи?

2. Основное исследование

2.1. Корректирующая оговорка в механизме коллизионного регулирования договорных правоотношений международного характера

В общем виде корректирующая оговорка закреплена в п. 1 ст. 15 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве: «В виде исключения право, на применение которого указывает настоящий закон, не применяется, если с учетом всех обстоятельств дела очевидно, что дело имеет с этим правом лишь незначительную связь и в то же время имеет гораздо более тесную связь с правом какого-либо другого государства» (Жильцов, Муранов 2001, 631). Аналогичное положение содержится в § 1 ст. 19 Кодекса международного частного права Бельгии², а также в ст. 3082 Гражданского кодекса (ГК) Квебека³.

В международном частном праве Российской Федерации подобное положение общего характера отсутствует, однако, как справедливо отмечает А. В. Асосков, «даже в странах, сознательно или в силу исторической инерции не имеющих общей корректирующей оговорки, она, как правило, применяется для отдельных коллизионных институтов» (Асосков 2010; Асосков 2017, 294–295), в числе которых в первую очередь следует назвать коллизионно-правовой режим договорных правоотношений.

---

¹ В. П. Звеков указывает, что гибкая коллизионная норма в качестве общего правила способна корректировать применение коллизионных начал (Звеков 2000, 63). О корректирующей функции принципа наиболее тесной связи пишет, в частности, В. В. Буланов (Буланов 2012а, 44; Буланов 2012b, 268–269).

² Loi portant le Code de droit international privé [le royaume de Belgique] 16 Juillet 2004. *Justice*. 27 Juillet 2004, no. 2004009511, 57344.

³ Civil Code of Québec (updated to 1 November 2016). *Éditeur officiel du Québec*. CCQ-1991, 502.

Так, согласно п. 9 ст. 1211 ГК РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ, «если из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та», к которой отсылают жесткие коллизионные привязки п. 1–8 той же статьи, «подлежит применению право страны, с которой договор более тесно связан»⁴. Получив прямое закрепление в отечественном законодательстве о международном частном праве в результате состоявшейся в 2013 г. реформы норм разд. VI ГК РФ, указанное положение приобрело широкую известность в специальной литературе в качестве так называемой корректирующей оговорки (*escape clause*) (Асосков 2016; Асосков 2019)⁵.

Вместе с тем важно учитывать, что правило о применении к договору вместо права той страны, на которую указывает привязка коллизионной нормы, права той, с которой он более тесно связан, не является новым для отечественного международного частного права. В итоге реформы норм разд. VI ГК РФ это правило лишь трансформировалось из ряда отдельных оговорок п. 2–4 ст. 1211 ГК РФ, допускающих, что иное — по сравнению с закрепленным коллизионным решением — может вытекать «из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела», в единое правило общего действия по отношению ко всем коллизионным привязкам п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ⁶.

Указанная трансформация была обусловлена изменением подхода к коллизионно-правовому регулированию договорных правоотношений на уровне Европейского союза⁷, состоявшимся в результате замены Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, устанавливавшей в качестве коллизионной привязки принцип наиболее тесной связи, определяемый в порядке опровержимых презумпций (в первую очередь через концепцию характерного исполнения)⁸, Регламентом Рим I, установившим ряд жестких коллизионных привязок, дополненных корректирующей оговоркой на случай, когда «из всех обстоятельств дела вытекает, что контракт явно более тесно связан с иной страной»⁹ (п. 3 ст. 4).

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, все ссылки на российские и международные нормативно-правовые акты, международную судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 марта, 2023. <http://www.consultant.ru>.

⁵ Исключающей оговоркой (*escape clause*) анализируемое правило именуют и другие авторы (Гришаев 2018; Стригунова 2017; Стригунова 2018с, 4:4).

⁶ На преемственность оговорок п. 2–4 ст. 1211 ГК РФ (в прежней редакции) и правила п. 9 ст. 1211 ГК РФ (в новой редакции) указывает, в частности, М. Г. Розенберг (Марышева, Ярошенко 2014, 1211). На то, что «в п. 9 перенесена оговорка, которая прежде была в п. 2» ст. 1211 ГК РФ, обращает внимание В. А. Белов (Белов 2014, 6:2).

⁷ Так, М. П. Бардина отмечает, что в новом тексте ст. 1211 ГК РФ восприняты изменения подхода Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, отраженные в схеме коллизионно-правового регулирования Регламента Рим I (Бардина 2015, 85–86). О. А. Рузакова прямо заявляет, что «в основе положения п. 9... [ст. 1211 ГК РФ] лежат нормы § 3 ст. 4 Регламента... “Рим I”» (Крашенинников 2014, 122). Сходство в формах использования принципа наиболее тесной связи при коллизионно-правовом регулировании договорных правоотношений в Российской Федерации и на уровне Европейского союза (в частности, в качестве корректирующей оговорки — положений п. 9 ст. 1211 ГК РФ и п. 3 ст. 4 Регламента Рим I соответственно) усматривают также В. В. Григорьев (Григорьев 2014, 1211) и Д. П. Стригунова (Стригунова 2017; Стригунова 2018с, 4:4).

⁸ Convention on the Law applicable to Contractual Obligations of 19 June 1980 (Rome). *Treaty Series*. 1997. Vol. 1605, 59–156. New York: United Nations.

⁹ Regulation (EC) No. 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the Law applicable to Contractual Obligations (Rome I). *Official Journal of the European Union*. 04.07.2008. L 177, 6–16.

В русле международных тенденций коллизионно-правового регулирования договорных правоотношений в Концепции развития гражданского законодательства РФ (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009) была сформулирована установка «в целях обеспечения определенности правового регулирования и предсказуемости его результата» уточнить норму ст. 1211 ГК РФ «путем указания на то, что отказ от применения общей коллизионной привязки к месту жительства или основному месту деятельности стороны возможен только в ситуации, когда договор явным образом демонстрирует более тесную связь с правом другой страны». Как следствие, ключевое отличие оговорок первоначальной редакции ст. 1211 ГК РФ на случай, если иное вытекает «из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела», от корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ состоит в том, что более тесная связь с правом иной страны, чем та, на которую указывает жесткая коллизионная привязка (п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ в новой редакции), должна быть явной. На этом основании Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «суд не применяет коллизионные нормы из п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ» в исключительных случаях (п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами РФ» (далее — Постановление № 24))¹⁰.

Тем не менее громоздкость конструкции принципа наиболее тесной связи в качестве гибкой коллизионной привязки, определяемой через ряд опровержимых презумпций (Асосков 2010), и обусловленное таким подходом многократное дублирование оговорки «если иное не вытекает...» (Асосков 2016), справедливо подвергаемые критике А. В. Асосковым, приводят к выводу об оптимальности произведенной корректировки норм ст. 1211 ГК РФ. Будучи убежденными в том, что значение положения определяется вовсе не объемом его текста или количеством пунктов и статей закона, его отражающих, а его содержанием и правовыми последствиями его применения, мы считаем, что четко сформулированная оговорка со значительной сферой действия, позволяющая правоприменителю — при наличии веских оснований — отказаться от установленной законодателем жесткой коллизионной нормы, является оптимальным механизмом, позволяющим обеспечить гибкость коллизионно-правового регулирования договорных правоотношений при сохранении его приемлемой предсказуемости.

2.2. Анализ практики применения корректирующей оговорки при решении коллизионного вопроса для договорных правоотношений международного характера

Существенное значение для реализации положения п. 9 ст. 1211 ГК РФ имеет п. 36 Постановления № 24, разъясняющий, что суду следует указывать «причины, по которым он считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны».

---

¹⁰ Еще до принятия этого разъяснения Ю. В. Блинова обращала внимание на то, что появившееся в п. 9 ст. 1211 ГК РФ слово «ясно» сигнализирует о том, что анализируемая оговорка «применяется в исключительных случаях» (Блинова 2014, 102).

2.2.1. Обоснование причин, по которым суд «считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны»

2.2.1.1. Дело о несостоятельности (банкротстве) авиационной компании «ТРАНСАЭРО»

Показательный пример — постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда, в которых суд освещает как значительные связи обсуждаемых правоотношений с Российской Федерацией, состоящие в том, что «услуги в рамках спорных договоров оказывались на территории РФ, и для целей осуществления должником хозяйственной деятельности на территории РФ, по нормам российского права», так и незначительную связь данных правоотношений с иностранным государством (правопорядок которого мог бы стать компетентным на основании коллизионной нормы), поскольку «никакой иной связи с иностранным элементом кроме места регистрации исполнителя, при этом, не имеется (пунктуация оригинала сохранена. — Т. Н.)». Произведенный таким образом анализ позволяет — в части применения п. 9 ст. 1211 ГК РФ — признать обоснованным вывод суда о том, что «спорные правоотношения более тесно связаны с правом РФ, нежели правом страны регистрации исполнителя»¹¹.

2.2.1.2. Дело по иску Роствертол к Engineering & Consulting

Аналогичный анализ территориальных связей произвел Арбитражный суд Ростовской области. В отношении контракта, поставщиком по которому выступала швейцарская компания (отсылаемого к праву Швейцарии на основании п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ), суд установил, что поставка осуществлялась на условиях DAP (Delivered at Place) «Инкотермс 2010» (г. Ростов-на-Дону) и, следовательно, «исполнение обязательства предполагалось на территории РФ, и для целей осуществления истцом хозяйственной деятельности на территории РФ, по нормам российского права». При этом, как определил суд, «никакой иной связи с иностранным элементом, кроме места регистрации поставщика», не имелось. В итоге суд заключил, что «спорные правоотношения более тесно связаны с правом РФ»¹².

Значение места исполнения договора существенно выше для договора оказания услуг, предполагающего совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности, нежели для договора купли-продажи, суть которого состоит в передаче вещи (товара) в собственность. Именно в указанном деле дополнительным аргументом в пользу выбора права РФ служило то, что истец ссылался на него в исковом заявлении, а ответчик не заявлял на этот счет возражений. Однако в общем ключе, поскольку поставка товара российскому покупателю на территорию РФ по общему правилу предполагает и то, что товар будет использован покупателем для осуществления «хозяйственной деятельности на территории

¹¹ Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2017 № 13АП-5441/17 и № 13АП-1494/17 (здесь и далее, если не указано иное, ссылки на российскую судебную практику приводятся по СПС «Гарант». Дата обращения 1 марта, 2023. <http://base.garant.ru>).

¹² Решение Арбитражного суда Ростовской области от 04.07.2018 по делу № А53-1846/2018. Иллюстрирующий анализ воспроизведен и поддержан Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом (Постановление от 03.09.2018 № 15АП-12665/18).

РФ, по нормам российского права», представляется неочевидным, что само по себе условие об исполнении поставщиком обязанности по договору в тот момент, когда товар будет находиться на территории РФ (исполняемой в этой стадии по общему правилу уже не самим поставщиком, а за его счет перевозчиком, экспедитором или иными лицами), однозначно перевесит значение коллизионной нормы п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ, привязывающей договор к праву страны основного места деятельности поставщика.

2.2.2. Практика применения п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ с лаконичным обоснованием в тексте судебного акта

Вместе с тем в практике судов Российской Федерации встречаются акты, в которых обоснование явным образом более тесной связи с правом иной страны, нежели та, на которую указывает коллизионная норма, крайне лаконично.

2.2.2.1. Дело по иску Anhui Import and Export к «Русбалт»

Показательно Решение Арбитражного суда г. Москвы, в котором по спору из контракта, поставщиком по которому являлась китайская компания, суд заключил: «Спор подлежит рассмотрению по законодательству РФ на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ»¹³. Однако какие-либо причины (условия или существо контракта либо совокупность обстоятельств дела), по которым суд «считает договор явным образом более тесно связанным с правом» Российской Федерации (а не правом Китая, к которому могла бы отослать коллизионная норма п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ), не были отражены в решении. В итоге суд разрешил спор на основе применимых норм Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11.04.1980 (г. Вена), в которой участвуют Россия и Китай¹⁴, а также указал, что руководствовался рядом статей ГК РФ (видимо, в качестве субсидиарного статута).

2.2.2.2. Дело по иску Miniconf Spa и др. к «Мода Пер Бамбини»

Другой пример применения п. 9 ст. 1211 ГК РФ с критически лаконичным обоснованием — дело, вытекающее из договора поставки, поставщиком по которому выступала итальянская компания Miniconf Spa. В решении суда первой инстанции вопрос о применимом праве отражения не нашел, но дело было разрешено на основании норм Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, правил Инкотермс в качестве торговых обычаев и норм ГК РФ в качестве субсидиарного статута¹⁵.

¹³ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 01.10.2018 по делу № А40-152375/2018. Процитированный вывод был воспроизведен и поддержан Девятым арбитражным апелляционным судом (Постановление от 18.02.2019 № 09АП-62467/18). Примечательно, что в обеих инстанциях ответчик заявлял «о невозможности применения для разрешения спора норм материального права РФ», однако такой довод суды обеих инстанций посчитали необоснованным и отклонили.

¹⁴ «Статус текстов: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.)». ЮНСИТРАЛ. 2023. Дата обращения 1 марта, 2023. https://uncitral.un.org/ru/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg/status.

¹⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.01.2018 по делу № А40-18915/2016.

В постановлении суда апелляционной инстанции в поддержку примененных нижестоящим судом норм права выдвигается тезис: «Из обстоятельств дела следует, что спор подлежит рассмотрению по законодательству РФ на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ»¹⁶. При этом конкретные обстоятельства, свидетельствующие в пользу применения законодательства РФ, названы не были.

Признавая в силу п. 3 ст. 1186 ГК РФ правильность применения норм Конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, если коммерческие предприятия продавца и покупателя находились в Италии и России, выступающих участниками этой конвенции, отметим, что вопросы, которые не регулируются конвенцией, должны разрешаться на основании материального права, избираемого посредством коллизионных норм страны суда. Как следствие, выбор вместо права Италии (на которое указывают п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ) в силу корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ права России требовал от суда изложения причин, «по которым он считает договор явным образом более тесно связанным с правом» России.

В анализируемом деле это особенно сложно, так как, помимо итальянской принадлежности продавца, в решении суда первой инстанции указано на то, что поставка осуществлялась по условиям Инкотермс 2000 ex works (франко завод), склад г. Вольпьяно (Италия), согласно которым «продавец осуществил поставку [исполнил обязанность по договору], когда он предоставил товар в распоряжение покупателя в помещении продавца или в другом названном месте» (Галенская 2007); а в постановлениях судов апелляционной и кассационной инстанций — на то, что поставка осуществлялась на условиях Инкотермс 2010 free carrier (франко перевозчик), согласно которым «продавец осуществляет передачу товара перевозчику или иному лицу, номинированному покупателем, в своих помещениях или в ином обусловленном месте» (Рамберг 2011, II.1); в обоих случаях это не свидетельствует о связи исполнения контракта с территорией РФ.

Полагаем, что при таких условиях применение норм ГК РФ в качестве субсидиарного статута на основании корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ однозначно требовало от суда приведения весомых доводов в пользу того, что «из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом» Российской Федерации (иной страны, нежели та, на которую указывала коллизионная норма п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ).

2.2.2.3. Дело по иску Скандинавия сервис к торговому дому «Агротехника»

Аналогичным образом, разрешая коллизионный вопрос для контракта, поставщиком по которому являлась белорусская компания¹⁷, Арбитражный суд

¹⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2018 № 09АП-12272/18. Указанный тезис был воспроизведен и поддержан Арбитражным судом Московского округа (Постановление от 20.06.2018 № Ф05-8846/18 по делу № А40-18915/2016).

¹⁷ Если стороны спорного контракта являлись хозяйствующими субъектами России и Белоруссии, то в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и п. 1 ст. 1186 ГК РФ применимое право должно было определяться на основании Соглашения стран СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20.03.1992 (г. Киев), участниками которого являются

Санкт-Петербурга и Ленинградской области ограничился только следующим указанием: «Спор рассмотрен судом по законодательству РФ на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ»¹⁸. В данном деле, в отличие от предыдущих, законодательство РФ (ГК РФ) являлось единственным (а не субсидиарным) статутом для разрешения спора.

2.2.3. Обоснование применения п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ одной контрнаправленной связью договорного правоотношения международного характера

Дискуссионным остается также обоснование применения корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ, построенное на одной контрнаправленной связи спорного отношения, превалирующее значение которой неочевидно.

2.2.3.1. Дело Т. против З.

Показательно Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, в котором вопреки нормам п. 1 и подп. 8 п. 2 ст. 1211 ГК РФ, привязываемый обсуждаемый договор займа к праву страны займодавца, и на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ указано: «Принимая во внимание, что спор возник по вопросу исполнения обязательства о возврате полученных денежных средств гражданином РФ, судебная коллегия полагает, что применению подлежат положения ГК РФ»¹⁹. Какие-либо иные условия договора или обстоятельства дела, свидетельствующие в пользу явно более тесной связи конкретного договора займа с правом страны заемщика в противовес праву страны займодавца, в судебном акте не отражены.

Полагаем, что в условиях, когда связь с правом одной стороны договора (осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора) противопоставляется исключительно контрнаправленной связи с правом другой стороны договора, в отсутствие дополнительных причин, явно склоняющих чашу весов в пользу иного правопорядка, нежели тот, который установлен коллизионной нормой, приоритет должен автоматически отдаваться праву, указанному коллизионной нормой страны суда.

2.2.3.2. Дело И. против Ц.

Более весомое обоснование применения п. 9 ст. 1211 ГК РФ представлено в Апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, в котором по вопросу о праве, применимом к договору займа, указано: «С учетом положений п. 9 ст. 1211 ГК РФ... принимая во внимание, что исполнение договора займа (передача денег) было осуществлено в г. Москве, что следует из расписки, ответчик является гражданином РФ и проживает на террито-

Россия и Белоруссия и п. «е» ст. 11 которого (в отличие от ст. 1211 ГК РФ) привязывает «права и обязанности сторон по сделке» к «законодательству места совершения».

¹⁸ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20.04.2015 по делу № А56-7922/2015. Цитированный тезис был воспроизведен и поддержан Тринадцатым арбитражным апелляционным судом (Постановление от 14.08.2015 по делу № А56-7922/2015).

¹⁹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14.02.2017 по делу № 33-5346/2017.

рии РФ, вывод суда о применении к спорным правоотношениям законодательства РФ является правильным»²⁰.

Безусловно, текст этого судебного акта дает больше возможностей для оценки причин, по которым суд «считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны», нежели та, на которую указывает коллизионная норма п. 1 и подп. 8 п. 2 ст. 1211 ГК РФ. Вместе с тем сравнительный анализ разнонаправленных связей спорного отношения сделал бы вывод суда о явно более тесной связи договора займа с правом РФ более транспарентным (например, если бы передача денег в г. Москве была обусловлена тем, что в тот период займодавец имел место жительства в Российской Федерации, данное обстоятельство практически неоспоримо укрепило бы вывод суда о необходимости обращения к корректирующей оговорке).

2.2.4. Практика отмены судебных актов, базирующихся на необоснованном применении п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ

Отсутствие в судебном акте доводов, основанных на анализе условий или сущности договора либо совокупности обстоятельств дела и явно свидетельствующих о более тесной связи договора с правом иной страны, нежели та, на которую указывает коллизионная норма, является основанием отмены такого судебного акта, что весьма убедительно подтверждается практикой арбитражных судов апелляционной и кассационной инстанций.

2.2.4.1. Дело по иску Spolka Komandytowa к производственно-коммерческой фирме «Мебельснаб»

Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд в отношении контракта, продавцом по которому выступало польское командитное товарищество (и, следовательно, отсылаемого к праву Польши в силу п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ), признал необоснованным вывод суда «о применении к спорным правоотношениям норм российского права» на том основании, что суд «не установил совокупности указанных в п. 9 ст. 1211 ГК РФ обстоятельств, из которых явно вытекает, что контракт более тесно связан с правом РФ»²¹.

2.2.4.2. Дело по иску «Дека» к Moeding Keramikfassad

Арбитражный суд Северо-Западного округа в отношении контракта, поставщиком по которому выступала компания, имеющая место нахождения в Германии (и, следовательно, отсылаемого к праву Германии в силу п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211 ГК РФ), признал необоснованным вывод суда «о применении к спорным правоотношениям норм российского права» на том основании, что суд «не установил совокупности указанных в п. 9 ст. 1211 ГК РФ обстоятельств, из которых явно вытекает, что контракт более тесно связан с правом РФ»²².

²⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.12.2017 по делу № 33-49958/2017.

²¹ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.10.2019 № 16АП-1992/19.

²² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.09.2018 № Ф07-11016/18 по делу № А21-9409/2016.

2.2.4.3. Дело о несостоятельности (банкротстве) открытого акционерного общества «Арви НПК»

На том же основании Арбитражный суд Северо-Западного округа признал необоснованным вывод суда о применении права РФ к договору транспортной экспедиции, экспедитором по которому выступала литовская компания (и, следовательно, отсылаемого к праву Литвы в силу п. 1 и подп. 7 п. 2 ст. 1211 ГК РФ)²³.

2.2.5. Практика иллюстративного применения п. 9 ст. 1211 Гражданского кодекса РФ к договорным правоотношениям международного характера

Наконец, в некоторых судебных актах ссылка на п. 9 ст. 1211 ГК РФ и анализ тесной связи правоотношения с применимым правом носят иллюстративный характер, не являясь действительным юридическим основанием решения коллизионного вопроса.

2.2.5.1. Дело по иску «Нэскейр Групп» к «Дженерал Интернэшенел Трэйдкомпани»

Показательным примером выступает дело, рассмотренное Арбитражным судом Нижегородской области. В данном деле применение к спорному договору займа права РФ обосновывалось рядом обстоятельств: 1) оно было определено в договоре «в отношении ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору и процентов, начисленных на сумму займа, не возвращенную в срок»; 2) «в обоснование... доводов компания [истец] в исковом заявлении, возражениях на отзыв ссылается на нормы исключительно российского права», а «письменным отзывом ответчик... указывал нормы российского законодательства»; 3) «в судебном заседании... стороны пояснили, что они не возражают против применения к сложившимся отношениям [включая те, для которых право в договоре избрано не было] права... Российской Федерации, что отражено в протоколе судебного заседания».

При таких обстоятельствах суд должен был сделать однозначный вывод о достижении сторонами соглашения о применении права РФ, которое в силу п. 1 ст. 1210 ГК РФ может быть совершено «в последующем», в силу п. 2 той же статьи может «вытекать из... совокупности обстоятельств дела» и в свете устойчивой практики применения данных норм признается в форме обмена процессуальными «позициями» (документами)²⁴. Однако суд мотивирует вывод о применении права РФ, «учитывая, что в договоре займа сторонами не определено применимое право в отношении суммы основного долга и процентов за пользование займом», «при-

²³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.02.2018 № Ф07-16338/17 по делу № А21-6681/2016.

²⁴ См., напр., непосредственно в тексте данного судебного акта — п. 13 Обзора судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.07.2013 № 158).

нимая [во] внимание наличие тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ», и «на основании п. 9 ст. 1211 ГК РФ»²⁵.

Таким образом, принимая правильное решение для коллизионного вопроса в целом, суд обосновывает его не п. 1–2 ст. 1210 ГК РФ, как требовалось исходя из материалов дела, а п. 9 ст. 1211 ГК РФ, к применению которого действительных оснований (явно более тесной связи правоотношения с правом РФ, если вынести соглашение сторон о его применении за скобки) могло не иметься.

2.2.5.2. Дело о несостоятельности (банкротстве) открытого акционерного общества «Армтэк-Прим»

В свою очередь, Арбитражный суд Дальневосточного округа, определяя статут договора купли-продажи, сначала привел положения п. 1–2 ст. 1210 ГК РФ, однако констатировал, что «соглашение сторон о выборе подлежащего применению права суду не представлено»; затем, переходя к установлению объективного договорного статута, привел п. 1 и подп. 1 п. 2 ст. 1211, п. 9 ст. 1211 ГК РФ, а также п. 13 Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц, который в действительности содержит рекомендации относительно применения именно п. 1–2 ст. 1210, а не положений ст. 1211 ГК РФ.

Наконец, после приведенных коллизионных норм суд мотивировал правильное решение о применении права РФ тем, что и компания, и конкурсный управляющий в представляемых суду документах ссылались «на нормы исключительно российского права», не заявляя доводов о применении иностранного права (что в действительности являлось соглашением сторон о применимом праве, вытекающим из совокупности обстоятельств дела, и не требовало обращения ни к коллизионным нормам в целом, ни тем более к корректирующей оговорке п. 9 ст. 1211 ГК РФ)²⁶.

Таким образом, принцип наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений целесообразно применять при наличии действительных к тому оснований, а в случае, когда решение коллизионного вопроса обеспечивается другими нормами международного частного права, надлежит обращаться именно к ним.

2.3. Содержание (критерии) принципа наиболее тесной связи при применении корректирующей оговорки для договорных правоотношений международного характера

В рамках анализа принципа наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки при решении коллизионного вопроса для договорных правоотношений важно констатировать, что самую большую сложность в его применении составляет выявление перечня тех показателей («условий или существа договора

²⁵ Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 21.03.2019 по делу № А43-5715/2018. Все процитированные доводы суда первой инстанции были воспроизведены и поддержаны Первым арбитражным апелляционным судом (Постановление от 24.06.2019 № 01АП-4326/19).

²⁶ Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.10.2018 № Ф03-4446/18 и от 02.10.2018 № Ф03-4110/18 по делу № А51-3391/2016.

либо совокупности обстоятельств дела»), которые необходимы для вывода о явно более тесной связи отношения с правом иной страны, нежели та, на которую указывает коллизионная норма. Так, Д. П. Стригунова отмечает, что п. 9 ст. 1211 ГК РФ предполагает «усмотрение суда (арбитража)» при установлении более тесной связи в условиях, когда «четкий алгоритм установления такой связи либо указание на основные связующие контакты в законе отсутствуют» (Стригунова 2018b).

Безусловно, принцип наиболее тесной связи как инструмент гибкого коллизионно-правового регулирования не предполагает жесткого алгоритма или закрытого перечня связующих контактов с заранее исчисленным весом. Однако это вовсе не означает, что коллизионное решение, основанное на корректирующей оговорке, не должно быть обоснованным. Наоборот, поскольку п. 9 ст. 1211 ГК РФ позволяет правоприменителю отказаться от использования установленных законодателем коллизионных норм, каждый отказ — как исключительный случай — должен быть подкреплен весомыми причинами, центральное место в числе которых будут занимать территориальные связи как ядро исследуемого принципа.

В литературе весьма справедливо отмечается, что «при определении наиболее тесной связи суд должен учесть степень интенсивности территориальных контактов и их значение для конкретного правоотношения» (Ломакина, Петров, Глинщикова 2020, 270). Особо подчеркивается: «Важно не только (и не столько) количество фактических контактов, сколько их интенсивность и значение для конкретного коллизионного института и обстоятельств индивидуального спора» (Асосков 2010). Например, Д. П. Стригунова рассматривает «критерий решающего исполнения международного коммерческого договора (право страны, где договор исполняется)» как наиболее важный связующий контакт при применении п. 9 ст. 1211 ГК РФ (Стригунова 2018a).

С нашей точки зрения, выявление явно более тесной связи требует сравнительного анализа совокупности контактов конкретного правоотношения, однако нельзя не признать, что в текущей практике судов РФ месту исполнения обязательства придается существенное значение при принятии решения об использовании корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ, причем как для договора возмездно оказания услуг²⁷, так и для договора купли-продажи²⁸.

Показательный пример, в котором «из совокупности обстоятельств дела явно вытекает, что договор более тесно связан с правом иной страны, чем та, которая указана» в коллизионной норме, приведен в Постановлении № 24. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Если договор заключается и в соответствии с его условиями исполняется продавцом, подрядчиком или исполнителем через филиал или иное обособленное подразделение в другой стране, суд вправе применить не право страны основного места деятельности продавца, подрядчика или исполнителя, а право страны, в которой находится его филиал или иное обособленное подразделение» (п. 36). В приведенном примере связи со страной основного места деятельности стороны, которая осуществляет характерное исполнение, противо-

²⁷ См., напр.: Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2017 № 13АП-5441/17 и № 13АП-1494/17.

²⁸ См., напр.: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 04.07.2018 по делу № А53-1846/2018; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2018 № 15АП-12665/18.

поставлена не одна контрнаправленная связь, но их совокупность, включающая два ключевых для юридической судьбы обязательства факта: порождающее соответствующее обязательство заключение договора и прекращающее его исполнение.

С учетом изложенного и особенно принимая во внимание наличие в практике судов РФ отдельных случаев применения корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ без отражения в судебном акте полноценного обоснования, нужно признать значимым разъяснение п. 36 Постановления № 24, в соответствии с которым «суду следует указать причины, по которым он считает договор явным образом более тесно связанным с правом иной страны». Надеемся, указанное разъяснение поспособствует улучшению содержательной стороны обоснования применения п. 9 ст. 1211 ГК РФ в отечественных судебных актах, что сделает мотивировку решения коллизионного вопроса в каждом исключительном случае, требующем отступления от тех привязок, которые предписаны п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ, транспарентной — открытой для восприятия и оценки.

Согласимся с А. В. Асосковым в том, что для применения корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ «недостаточно того, что отношение имеет с другим правопорядком несколько большее количество фактических контактов, нежели с тем правопорядком, к которому отсылает коллизионная привязка» (Асосков 2010).

Во-первых, как следует из текста закона и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, более тесная связь «с правом иной страны» должна быть явной, обусловленной не одним контрнаправленным контактом (например, местом жительства заемщика в противовес месту жительства займодавца), но убедительной совокупностью значимых контактов с иной страной (например, местом заключения и исполнения договора, а также местом нахождения филиала или иного обособленного подразделения стороны, осуществляющей характерное исполнение, в совокупности местом нахождения другой стороны договора в противовес единственной связи с местом основной деятельности юридического лица, открывшего филиал или иное обособленное подразделение).

Во-вторых, что следует из первого и крайне важно, обоснование более тесной связи с правом иной страны требует, с нашей точки зрения, не только доказательств значительных связей спорного отношения с правом такой иной страны, но и подтверждения незначительности связей с правом той страны, на которую указывает коллизионная норма²⁹. Данный вывод подтверждается и указанием в тексте п. 9 ст. 1211 ГК РФ и разъяснении Пленума Верховного Суда РФ на явно более тесную связь с правом иной страны (что, очевидно, требует сравнения) и текстом широко известных корректирующих оговорок общего характера, как то: п. 1 ст. 15 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве, § 1 ст. 19 Кодекса международного частного права Бельгии, ст. 3082 Гражданского кодекса Квебека, — каждая из которых применяется при условии, что с правом той страны, на которую указывает коллизионная норма, дело имеет «лишь незначительную связь», однако имеет «гораздо более тесную связь с правом какого-либо другого государства» (Жильцов, Муранов 2001, 631).

---

²⁹ На необходимость «установить, что между обстоятельствами дела и правопорядком» той страны, на которую указывает коллизионная норма, «имеется лишь незначительная связь», обращает внимание А. В. Асосков (Асосков 2010).

Таким образом, применение принципа наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений, которое позволяет правоприменителю в исключительных случаях отказаться от жестких коллизионных норм п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ, требует «сравнительного взвешивания» разнонаправленных связей конкретного правоотношения, ведущего к явному выводу о совокупности значимых связей с правом иной страны в противовес незначительной связи с правом той страны, на которую указывает коллизионная норма.

Более того, исходя из единства содержания принципа наиболее тесной связи (как и всякого правового принципа в любой области юриспруденции) при выполнении им даже разных функций в механизме коллизионно-правового регулирования, мы считаем, что взвешивание территориальных связей при применении корректирующей оговорки для договорных правоотношений будет иметь базовое, но не единственное значение. В той мере, в какой в современном содержании принципа наиболее тесной связи (в первую очередь, как общей резервной коллизионной привязки) территориальное ядро дополнено материально-правовыми факторами, применение корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ допускает в дополнение к анализу территориальных связей учет значимых факторов материально-правового характера, таких как «защита добросовестной стороны, недопустимость извлечения преимуществ из своего недобросовестного поведения, запрет злоупотребления правом, защита слабой стороны, предпочтительность сохранения действительности сделки, запрет необоснованного отказа от исполнения обязательства», — нашедших отражение в качестве принимаемых во внимание судом «при определении наиболее тесной связи» по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ (п. 6 Постановления № 24).

Помимо общей идеи о единстве содержания правовых понятий и принципов, предложенное решение обуславливается тем, что принцип наиболее тесной связи как гибкий коллизионный инструмент на правоприменительном уровне позволяет добиться решения вопроса о применимом праве сообразно тому, как, основываясь на той же идее отыскания наиболее тесно связанного с отношением правопорядка, законодатель конструирует коллизионные нормы: при его использовании в качестве общей резервной коллизионной привязки правоприменитель определяет материальное право для отношения, не нашедшего своей коллизионной нормы; при его использовании в качестве корректирующей оговорки правоприменитель уже не определяет, а исправляет привязку коллизионной нормы, которая хотя и установлена, но в свете «условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела» ведет вовсе не к тому решению коллизионного вопроса, на которое рассчитывал законодатель при ее конструировании. Как совершенно справедливо отмечает А. В. Асосков, «если законодатель посчитал необходимым использовать в своем коллизионном праве такой современный механизм, как корректирующие оговорки, то следует исходить из того, что в рамках применения этого механизма суды должны иметь возможность учета не только сугубо коллизионных, но и материальных факторов» (Асосков 2017, 315).

Безусловно, материально-правовые факторы только дополняют анализ территориальных связей, а потому ни один из них сам по себе не способен привязать договорное отношение к правопорядку, с которым оно не имеет никакой территориальной связи либо такая связь крайне незначительна. Однако если правопорядок имеет с отношением тесную, хотя и не наиболее тесную связь, то какое-либо из зна-

чимых материально-правовых соображений вполне может выступить решающим фактором, перевешивающим чашу весов при решении коллизионного вопроса.

Показательный пример — предпочтительность сохранения действительности сделки, отраженная в разъяснении Пленумом Верховного Суда РФ содержания принципа наиболее тесной связи по смыслу п. 2 ст. 1186 ГК РФ (п. 6 Постановления № 24) и составляющая широко известную доктрину *lex validatis*. Ярким выражением указанной доктрины выступает так называемое правило валидации (*англ.* the rule of validation), которое американский правовед А. Эренцвейг сформулировал следующим образом: «Стороны, вступающие в договор на равных условиях, мыслят свое соглашение как обязательное, и коллизионное право признает силу за их намерением, если только это возможно сделать на основании любого свойственного [договору] права» (Ehrenzweig 1962, 466).

Так, мы полагаем, что при решении коллизионного вопроса касательно договора возмездного оказания услуг, который исполняется на территории страны заказчика и объявляется действительным правом страны заказчика, но недействительным — правом страны исполнителя, коллизионная привязка п. 1 и подп. 16 п. 2 ст. 1211 ГК РФ к праву страны основного места деятельности исполнителя, с учетом обстоятельств именно этого дела потребует корректировки в пользу права страны заказчика. В таких условиях совокупность территориальных связей (с местом основной деятельности заказчика и местом исполнения, которое имеет ключевое значение для юридической судьбы обязательства и особенно когда речь идет об оказании услуг) будет дополнена весомым материально-правовым фактором предпочтительности сохранения действительности сделки, что перевесит чашу весов в пользу права страны заказчика, объявляющего договор действительным.

В практике судов РФ имеются примеры того, что в отсутствие материально-правового фактора, связанного с действительностью, и для договора возмездного оказания услуг, и для договора купли-продажи территориальная связь со страной исполнения обязательства оценивалась судом как достаточная для применения корректирующей оговорки п. 9 ст. 1211 ГК РФ³⁰.

Однако важно учитывать, что приведенные примеры имели место до принятия Постановления № 24 и в условиях, когда в отдельных случаях суды использовали корректирующую оговорку п. 9 ст. 1211 ГК РФ, не отражая в судебном акте обоснование определенными обстоятельствами дела. С учетом изложенного мы предполагаем, что после принятия указанного Постановления практика судов РФ может продемонстрировать более сдержанное и обоснованное обстоятельствами дела применение принципа наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений международного характера. Тем не менее и при весьма сдержанном подходе к применению корректирующей оговорки в полном объеме сохраняются возможности учета материально-правовых факторов. Такие факторы дополняют территориальные связи при оценке явно наиболее тесной связи определенного договорного правоотношения с тем или иным правопорядком.

---

³⁰ Касательно договора возмездного оказания услуг: Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2017 № 13АП-5441/17 и № 13АП-1494/17; касательно договора купли-продажи: Решение Арбитражного суда Ростовской области от 04.07.2018 по делу № А53-1846/2018; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2018 № 15АП-12665/18.

3. Выводы

Применение принципа наиболее тесной связи в качестве корректирующей оговорки для договорных правоотношений международного характера базируется, как и при реализации иных его функций, на «сравнительном взвешивании» разнонаправленных территориальных связей, дополненном учетом весомых материально-правовых факторов. Результатом его применения является — как исключительный случай — отказ от коллизионной нормы, указывающей в конкретном деле на незначительно связанное с отношением право, в пользу права иной страны, демонстрирующей (с учетом территориальных связей и материально-правовых факторов) явно более тесную связь с отношением. Полагаем, что именно изложенный подход к применению корректирующей оговорки позволит обеспечивать оптимальную гибкость коллизионно-правового регулирования при сохранении его приемлемой предсказуемости.

Библиография

- Асосков, Антон В. 2010. «Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве». *Законодательство* 11: 79–87. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/document/55067284/paragraph/1/doclist/920/1/0/0/Асосков%20Принцип%20наиболее%20тесной%20связи%20в%20современном%20международном%20частном%20праве:2>.
- Асосков, Антон В. 2016. «Право, применимое к договорному обязательству: комментарий к ст. 1211 ГК РФ». *Закон* 4: 104–118. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/document/57286873/paragraph/1/doclist/976/1/0/0/Асосков%20Право,%20применимое%20к%20договорному%20обязательству:%20комментарий%20к%20ст.%201211%20ГК%20РФ:4>.
- Асосков, Антон В. 2017. *Основы коллизионного права*. М.: М-Логос.
- Асосков, Антон В. 2019. «Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о применении норм международного частного права: ключевые разъяснения». *Судья* 11: 12–19. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/%2Fdocument%2F77453761%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1567%2F1%2F0%2F0%2FАсосков%20Новое%20Постановление%20Пленума%20Верховного%20Суда%20РФ%20о%20применении%20норм%20международного%20частного%20права:%20ключевые%20разъяснения%3A2>.
- Бардина, Марина П. 2015. «Определение права, применимого к договорам, в новой редакции Гражданского кодекса РФ». *Труды Института государства и права РАН* 3: 68–91.
- Белов, Вадим А. 2014. *Что изменилось в Гражданском кодексе? Практическое пособие*. М.: Юрайт. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F57479786%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1752%2F1%2F0%2F0%2FБелов%20202014.%20Что%20изменилось%20в%20Гражданском%20кодексе:%20Практическое%20пособие%3A2>.
- Блинова, Юлия В. 2014. «Определение применимого права к внешнеэкономическим сделкам по принципу наиболее тесной связи». *Журнал российского права* 7: 95–104.
- Буланов, Вадим В. 2012а. «Категория наиболее тесной связи в международном частном праве». Дис. ... канд. юрид. наук, Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина.
- Буланов, Вадим В. 2012б. «Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права». *Актуальные проблемы российского права* 2: 267–274.
- Галенская, Людмила Н., ред. 2007. *Комментарий к Международным правилам толкования торговых терминов «Инкотермс 2000»*. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/document/12151637/paragraph/1/doclist/1082/1/0/0/Галенская%20Комментарий%20к%20Международным%20правилам%20толкования%20торговых%20терминов%20Инкотермс%202000.:8>.
- Григорьев, Виталий В. 2014. *Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса РФ (главы 66 «Общие положения», 67 «Право, подлежащее применению»*

- нию при определении правового положения лиц» и 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям»). М.: Деловой двор. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/document/57632046/paragraph/640/doclist/816/1/0/0/Григорьев,%20Виталий%20В.%202014.%20Комментарий%20к%20разделу%20VI%20Международное%20частное%20право%20части%20третьей%20Гражданского%20кодекса%20РФ:5>.
- Гришаев, Сергей П. 2018. *Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса РФ*. Дата обращения 15 марта, 2023. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=UGWНьYТguQt88jm6&cacheid=7A8F87B975D2BA269F139FE1AB065CE8&mode=splus&rnd=njQVcw&base=СМВ&n=18601M5ZHьYТID7I0MeRy>.
- Жильцов, Алексей Н., Александр И. Муранов, сост. 2001. *Международное частное право: Иностранное законодательство*. М.: Статут.
- Звеков, Виктор П. 2000. «Гражданский кодекс Российской Федерации и некоторые проблемы коллизионного права». *Проблемы международного частного права*, под ред. Наталии И. Марышевой, 58–67. М.: Контракт.
- Крашенинников, Павел В., ред. 2014. *Гражданский кодекс РФ. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI*. М.: Статут.
- Ломакина, Екатерина Н., Александр Д. Петров, Татьяна В. Глинщикова. 2020. «Принцип наиболее тесной связи в международном частном праве». *Бюллетень науки и практики* 6 (2): 268–272.
- Марышева, Наталия И., Клавдия Б. Ярошенко, ред. 2014. *Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части третьей (постатейный)*. М.: Контракт. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F57482670%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1736%2F1%2F0%2F0%2FМарышева%20Ярошенко%202014.%20Комментарий%20к%20Гражданскому%20кодексу%20РФ%2С%20части%20третьей%20%20постатейный%20.%3A6>.
- Рамберг, Ян. 2011. *Международные коммерческие транзакции*. 4-е изд., пер. с англ. М.: ICC Russia. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://base.garant.ru/70530660/text>.
- Стригунова, Дина П. 2017. «Основные направления коллизионного регулирования международных коммерческих договоров». *Современное право* 3: 126–132. Дата обращения 15 марта, 2023. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104602#yoOGьYТ26PFMNF5L>.
- Стригунова, Дина П. 2018а. «О понятии и особенностях правового регулирования международных коммерческих договоров». *Международное публичное и частное право* 2: 18–21. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=AcTТgYТUjp0Fa2Nu&cacheid=89AA35B39176CF04C337690395032B2A&mode=splus&rnd=ChXM7g&base=CJI&n=113061#MZDUgYТzрZСgc1Z5>.
- Стригунова, Дина П. 2018б. «Особенности судейского усмотрения в регулировании международных коммерческих договоров». *Законы России: опыт, анализ, практика* 4: 69–73. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SNJТgYТUOol1Q7ZX&cacheid=062148759EED0DD4221799D49297382E&mode=splus&rnd=EkEOw&base=CJI&n=114597ТYOTgYТ9FfufmuK5>.
- Стригунова, Дина П. 2018с. *Правовое регулирование международных коммерческих договоров*. В 2 т., т. 2. М.: Юстицинформ. Дата обращения 15 марта, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F77603562%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1696%2F2%2F0%2F0%2FСтригунова%202018%20Правовое%20регулирование%20международных%20коммерческих%20договоров%3A3>.
- Ehrenzweig, Albert A. 1962. *A treatise on the conflict of laws*. St Paul: West Publ. Co.

Статья поступила в редакцию 19 мая 2021 г.;
рекомендована к печати 16 января 2023 г.

Контактная информация:

Новикова Татьяна Васильевна — канд. юрид. наук, доц.; tnovikova@inbox.ru

The closest connection principle as escape clause for contractual legal relations of international character

T. V. Novikova

North Caucasian Branch of the Russian State University of Justice,
234, ul. Krasnykh Partizan, Krasnodar, 350020, Russian Federation

For citation: Novikova, Tatiana V. 2023. "The closest connection principle as escape clause for contractual legal relations of international character". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 2: 403–422. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.208> (In Russian)

The article contains analysis of escape clause stipulated by Art. 1211-9 of the Civil Code of the Russian Federation and allowing the court, when choosing applicable law for contract, in exceptional cases to reject the conflict of laws rule prescribed by law in favor of the law which is obviously more connected to contract. The author conducts a case by case analysis of Russian judicial practice, including judicial acts in which application of escape clause is extensively substantiated and those in which such application is based on the sole counter-directed link of contract or is barely substantiated. Moreover, the examples of disaffirmation of judicial acts which have been based on unjustified application of Art. 1211-9 of the Civil Code of the Russian Federation as well as cases of illustrative utilization of the indicated provision are under analysis. The author pays special attention to the standard (criteria) of the closest connection principle applied under the auspices of escape clause for contractual legal relations of international character. The author stands for thesis that the court recourse to escape clause of Art. 1211-9 of the Civil Code of the Russian Federation as an exceptional case requires 'comparative weighing' of differently directed links of the exact contract culminating in clear conclusion on sum of significant links to the law of other country in contrast to insignificant link to the law of country indicated by conflict of laws rule. At the same time, indicators (criteria) of the closest connection, stemming from unity of its contents even for different functions within conflict of laws framework, should embrace not only territorial contacts of the exact contractual legal relation but also important substantive law considerations (including *lex validatis* acknowledged by the Supreme Court of the Russian Federation).

Keywords: the closest connection, escape clause, contracts conflict of laws, transboundary contractual relations, international commercial contracts, choice of applicable law, *lex validatis*.

References

- Asoskov, Anton V. 2010. "The closest connection principle in modern private international law". *Zakonodatel'stvo* 11: 79–87. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#/document/55067284/paragraph/1/doclist/920/1/0/0/Асосков%20Принцип%20наиболее%20тесной%20связи%20в%20современном%20международном%20частном%20праве:2>. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2016. "The law applicable to contractual obligation: commentary to Art. 1211 of the Civil Code of the Russian Federation". *Zakon* 4: 104–118. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#/document/57286873/paragraph/1/doclist/976/1/0/0/Асосков%20Право,%20применимое%20к%20договорному%20обязательству:%20комментарий%20к%20ст.%201211%20ГК%20РФ:4>. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2017. *Conflict of laws basics*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Asoskov, Anton V. 2019. "New Decree by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on application of private international law rules: Key clarifications". *Sud'ia* 11: 12–19. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F77453761%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1567%2F1%2F0%2F0%2FАсосков%20Новое%20Постановление%20Пленума%20Верховного%20Суда%20РФ%20о%20применении%20норм%20международного%20частного%20права:%20ключевые%20разъяснения%3A2>. (In Russian)

- Bardina, Marina P. 2015. "Choice of law applicable to contracts according to new edition of the Civil Code of the Russian Federation". *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* 3: 68–91. (In Russian)
- Belov, Vadim A. 2014. *What has changed in Civil Code? Practical manual*. Moscow, Iurait Publ. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F57479786%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1752%2F1%2F0%2F2FBelov%202014.%20Что%20изменилось%20в%20Гражданском%20кодексе:%20Практическое%20пособие%3A2>. (In Russian)
- Blinova, Iuliia V. 2014. "Choice of law applicable to foreign economic agreements according to the closest connection principle". *Zhurnal rossiiskogo prava* 7: 95–104. (In Russian)
- Bulanov, Vadim V. 2012a. "The closest connection category in private international law". PhD Thesis in Law, Moskovskaia gosudarstvennaia iuridicheskaia akademiia imeni O. E. Kutafina. (In Russian)
- Bulanov, Vadim V. 2012b. "The closest connection as general principle of private international law". *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* 2: 267–274. (In Russian)
- Ehrenzweig, Albert A. 1962. *A treatise on the conflict of laws*. St Paul, West Publ. Co.
- Galenskaia, Liudmila N., ed. 2007. *Commentary to the International Commercial Terms "Incoterms 2000"*. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/document/12151637/paragraph/1/doclist/1082/1/0/0/Галенская%20Комментарий%20к%20Международным%20правилам%20толкования%20торговых%20терминов%20Инкотермс%202000.:8>. (In Russian)
- Grigor'ev, Vitalii V. 2014. *Commentary to section VI "Private international law" of third part of the Civil Code of the Russian Federation (chapters 66 "General provisions", 67 "Law applicable to definition of legal status of persons" and 68 "Law applicable to material and personal immaterial relations"*. Moscow, Delovoi dvor Publ. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/document/57632046/paragraph/640/doclist/816/1/0/0/Григорьев,%20Виталий%20В.%202014.%20Комментарий%20к%20разделу%20VI%20Международное%20частное%20право%20части%20третьей%20Гражданского%20кодекса%20РФ:5>. (In Russian)
- Grishaev, Sergei P. 2018. *Clause-by-clause commentary to third part of the Civil Code of the Russian Federation*. Accessed March 15, 2023. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=UGWHbYTguQt88jm6&cacheid=7A8F87B975D2BA269F139FE1AB065CE8&mode=splus&rnd=njqVcw&base=CMB&n=18601#M5ZHbYTIID7I0MeRy>. (In Russian)
- Krashennnikov, Pavel V., ed. 2014. *Civil Code of the Russian Federation. Private international law. Clause-by-clause commentary to section VI*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Lomakina, Ekaterina N., Aleksandr D. Petrov, Tat'iana V. Glinshchikova. 2020. "The closest connection principle in private international law". *Biulleten' nauki i praktiki* 6 (2): 268–272. (In Russian)
- Marysheva, Nataliia I., Klavdiia B. Iaroshenko, eds. 2014. *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, third part (clause-by-clause)*. Moscow, Kontrakt Publ. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F57482670%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1736%2F1%2F0%2F0%2FMarysheva%20Ярошенко%202014.%20Комментарий%20к%20Гражданскому%20кодексу%20РФ%2C%20части%20третьей%20%20постатейный%20.%20.%3A6>. (In Russian)
- Ramberg, Jan. 2011. *International Commercial Transactions*. 4th ed., transl. from English. Moscow, ICC Russia Publ. Accessed March 15, 2023. <https://base.garant.ru/70530660/text>. (In Russian)
- Strigunova, Dina P. 2017. "Basic trends of conflict of laws regarding international commercial contracts". *Sovremennoe pravo* 3: 126–132. Accessed March 15, 2023. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104602yoOGbYT26PFMNF5L>. (In Russian)
- Strigunova, Dina P. 2018a. "On the notion and features of legal regulation in the field of international commercial contracts". *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* 2: 18–21. Accessed March 15, 2023. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=AcTTgYTUjp0Fa2Nu&cacheid=89AA35B39176CF04C337690395032B2A&mode=splus&rnd=ChXM7g&base=CJI&n=113061MZ-DUGYTzpZCgc1Z5>. (In Russian)
- Strigunova, Dina P. 2018b. "Peculiarities of judicial discretion in regulation of international commercial contracts". *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 4: 69–73. Accessed March 15, 2023. <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SNJTgYTUOol1Q7ZX&cacheid=062148759EED0DD4221799D49297382E&mode=splus&rnd=EkEOw&base=CJI&n=114597#TYOTgYT9FfUfumuK5>. (In Russian)

- Strigunova, Dina P. 2018c. *Legal regulation of international commercial contracts*. In 2 vols, vol. 2. Moscow, Iustitsinform Publ. Accessed March 15, 2023. <https://internet.garant.ru/#%2Fdocument%2F77603562%2Fparagraph%2F1%2Fdoclist%2F1696%2F2%2F0%2F0%2FСтригунова%202018%20Правовое%20регулирование%20международных%20коммерческих%20договоров%3А3>. (In Russian)
- Zhiltsov, Aleksey N., Aleksandr I. Muranov, comp. 2001. *Private international law: Foreign legislation*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Zvekov, Viktor P. 2000. “Civil Code of the Russian Federation and several conflict of laws problems”. *Problemy mezhdunarodnogo chastnogo prava*. Ed. by Nataliia I. Marysheva, 58–67. Moscow, Kontrakt Publ. (In Russian)

Received: May 19, 2021
Accepted: January 16, 2023

Author's information:

Tatiana V. Novikova — PhD in Law, Associate Professor; tnovikova@inbox.ru